

as chance correspondence that the title [*magister unitatis* in Ps. Cyprian exactly reproduces the Qumran term *mrh hyhd*.

The context in which the title *magister unitatis* occurs (Ps. Cypr. II. 19—25) is also interesting. The passage is a rephrasing of Luke 14:26, Matt. 10:37 and 19:29 = Mark 10:29—30 (see also the Gospel of Thomas § 60). The source of this command to forsake kith and kin is Deut. 33:9, which so strongly influenced the authors of the synoptic Gospels and was virtually ignored by Judaic tradition. If the idea of forsaking one's family and the rule of celibacy were alien to the dominant trend of Judaism the situation was quite different among the Judaean sects. It is well known that the therapeutai and some of the Essene groups rejected marriage (Philo, *Apol.* § 14; Pliny, *NH* V 17 § 73; Joseph., *Antt.* XVIII 1, 5 § 21; Philo, *De vit. contempl.* § 28). There were different attitudes to marriage and family ties also among the communities represented in the Qumran manuscripts, where echoes of Deut. 33:9 may be caught (see 1HQ II 29—30; IX 34—35).

In the same connexion the Qumran anthology of Messianic-eschatological quotations (4Q Testimonia) is particularly interesting. Lines 15—17 of this document contain a quotation from Deut. 33:9 with a noteworthy *varia lectio*. In place of MT «I have not seen him» the Qumran reading is «I do not know thee». Only in the Vulgate has a reading survived which agrees with the Qumran version: *Qui dixit patri suo, et matri suae: Nescio vos!* This spirited *nescio vos* is in tone much closer than the Massoretic reading to the passages cited above from the synoptic Gospels and their rephrasing by Ps. Cyprian, in which Jesus calls upon his followers to forsake absolutely all family ties.

Thus if the passage in Ps. Cyprian, taken as a whole (II, 19—25), reveals a mentality akin to that of the Qumran community, the designation *magister unitatis* appearing in this passage not only confirms the hypothesis that the Qumran *mrh hyhd* was the model for this title but also attests the continued use of the title beyond the world of Qumran — of its use, moreover, in application to Jesus.

СТРАНИЧКА ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(Косьма Индикоплевст и его «Христианская топография»)

Проблема становления культуры средневекового общества и роли в этом процессе античного наследия всегда привлекала внимание исследователей. В византийском обществе влияние античных традиций проявлялось во всех сферах духовной жизни.

Среди византийских исторических и литературных памятников VI в. совершенно обособленное место занимает широко известное в течение всего средневековья сочинение Косьмы Индикоплевста «Христианская топография» — *Χριστιανική τοπογραφία*.¹ Это своеобразное произведение по своему жанру и характеру с трудом поддается классификации и не укладывается в обычные рамки византийской литературы VI в. В нем как бы соединены воедино записки путешественника, естественнонаучный труд по географии, биологии, астрономии и философско-богословский трактат, затрагивающий религиозные споры той эпохи. При этом в «Христианской топографии» различные жанры и сюжеты порою сцеплены механически и как бы живут своей самостоятельной жизнью.²

¹ The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes, ed. E. O. Winstedt, Cambr., 1909, Migne, Patr. Graeca, vol. 88, 1864, col. 10—476. Англ. пер.: J. Mc. Crindle, The Christian Topographie of Cosmas, L., 1897.

² Научная литература о сочинении Косьмы Индикоплевста довольно бедна: Gu. Moravšik, Byzantinoturcica, I. Bd., Budapest, 1958, стр. 390—391; Н. В. Пигулевская, Византия на путях в Индию, М.—Л., 1954, стр. 129—156. Лишь недавно появился труд В. Вольской, как бы заново открывшей этот памятник

Энергичный купец, отважный мореплаватель, бесстрашно проникавший со своими многочисленными спутниками в самые отдаленные и неизвестные страны Аравии, Восточной Африки и Цейлона, он был прозван современниками *Κοσμάς Ἰνδικοπλευστής* т. е. «плавателем в Индию» за то, что посетил даже и эту сказочную для европейцев страну. Несмотря на слабое здоровье, Косма избороздил на торговых судах Черное, Средиземное и Красное море, плавал в Персидском заливе. Он много лет жил в Египте и сохранил для потомков описания природы, населения и исторических памятников Египта и Синайского полуострова⁴. Косма Индикоплевст много видел, много знал, многое описал. Знание жизни, огромный опыт, наблюдательность помогли ему, даже при отсутствии достаточного образования, очень верно, живо и необычайно красочно, простым народным языком описать виденные им страны.

Косьма сам посетил страну Аксум, видел роскошный дворец царя, описал богатства и образ жизни аксумитов⁶. Особый интерес представляет рассказ Косьмы о ка-раванной торговле жителей Аксума с богатей золотом страной Сасу, расположенной по соседству с Занзибаром. Царь Аксума каждые два года снаряжает большой торго-вый караван и посылает его туда за золотом. Путешествие, которое длится полгода, сопряжено со многими опасностями, купцы вооружены для защиты от нападений враж-дебных племен и диких зверей. В страну Сасу аксумиты везут быков, соль и железо и обменивают их на золото. Чрезвычайно любопытна нарисованная Косьмой живая картина немой меновой торговли без посредства денег, которая происходит между купцами, прибывшими из Аксума, и местными жителями. Описывая природу и богат-ства самого Аксумского царства, Косьма рассказывает, что эта страна славится столбовой костью, которая вывозится в Индию, Персию, в Аравию и Византию. «Хри-стианская топография» Косьмы Индикоплевста — ценный источник для изучения при-

³ H. Gelzer, *Cosmas der Indienfahrer*, «Jahrbücher für protestantische Geographie», 9 (1883), стр. 105—141; A. Vasiliev, *Histoire de l'Empire byzantin*, t. I, P., 1932, стр. 215—218. О происхождении «Христианской топографии» Космы из Александрии см. M. V. Anastos, *The Alexandrian Origin of the Christian Topography of Cosmas Indicopleustes*, («Dumbarton Oaks Papers»), 3, 1946, стр. 76—80. См. также M. V. Anastos, *Cosmas Indicopleustes and Ptolemaeus*, [«Historia»], 4, 1955, стр. 1—10.

⁵ K. Wessel, Die Kultur von Byzanz, Frankfurt am Main, 1970, стр. 140—141;
N. W. Haussig, A History of Byzantine Civilization, L., 1971, стр. 101—102.

⁶ Это нашло отражение также и в миниатюрах, украшающих «Историю восточной топографии» (H a u s s i g, A History of Byzantine Civilization, стр. 398 сл.).

роды, экономики и истории древнейшего государства Восточной Африки — Аксумского царства VI в.

Одной из самых красочных глав «Христианской топографии» Косьмы является созданная автором картина цветущего зеленого острова в бескрайнем Океане — острова Цейлона. Цейлон в середине VI в., по данным Косьмы, был центром мировой торговли между Восточной Африкой и Китаем. Путешественников поражали богатства острова, на котором добывался драгоценный камень иакинф. В гавань Цейлона стекались корабли всех стран, груженные разнообразными товарами. Остров делится на две области — горную, где добываются драгоценные камни, и приморскую, где расположена гавань и кипит оживленная торговля: этими областями управляют два царя, находящиеся между собой в постоянной вражде. На острове живут и иностранные купцы, в частности, там расположена фактория персов-христиан, приверженцев несторианского вероучения.

Неизгладимое впечатление на византийских купцов произвела природа Цейлона, ее невиданный животный мир. В частности, Косьма приводит очень живое описание такого диковинного для греков зверя, как единорог-риноцерос, поразившего их как своими размерами, так и силой. По словам Косьмы, кожа единорога была столь толста, что в высушенном виде островитяне употребляют ее вместо железа, делают из нее плуги и пахут ими землю.

Описание роскошной природы острова, ее необычайных зверей сменяется у Косьмы живыми спенками приема греческого купца Сопатра и персидского посла одним из царей Цейлона. Легенда, созданная в связи с этим приемом, отражает острую конкурентную борьбу между персидскими и византийскими купцами за торговлю шелком и другими товарами с Индией и Китаем, в которой важную посредническую роль играл остров Цейлон. Косьма поэтически повествует о том, как во время приема Сопатра и персидского посла царь Цейлона спросил их: «Который из ваших царей больше и сильнее?». Перс не замедлил ответить, что, конечно, самый сильный правитель — шах Ирана, недаром он носит титул «шахиншах». Грек же предложил правителю Цейлона самому посмотреть царей обеих стран, что вызвало недоумение всех присутствующих. Тогда Сопатр попросил принести и показать царю две монеты — византийский золотой солид и персидскую серебряную драхму, или милиарсий, и сказал: «На обеих монетах изображения царей — всмотришься в них и узнаешь истину!». После осмотра монет царь Цейлона признал превосходство золотого солида, лучшей монеты того времени, а вместе с тем и византийского императора, заявив: «Конечно, ромей и славнее, и сильнее, и умнее». После этого Сопатру были оказаны особые почести: его посадили на слона и с барабанным боем возили по городу. А персидский посол был очень пристыжен.

До сего времени точно не установлено, посетил ли Косьма сам Индию или описал ее со слов других путешественников. Его неопределенные высказывания на этот счет не дают оснований для окончательного решения этого вопроса⁷. Однако, если Косьма даже сам и не был в Индии, рассказ его об этой стране, живой и интересный, отличается такой жизненной простотой и безыскусственностью, что его можно отнести к числу лучших описаний этой страны, созданных европейцами в римское время и в раннее средневековье⁸.

Северное побережье Индостана, описанное Косьмой, в VI в. представляло собой богатую страну со множеством торговых городов. Страна была разделена на ряд княжеств, владельцы которых постоянно воевали друг с другом. Отсутствие единства в стране привело к тому, что она была подчинена белыми гуннами, царь которых, Голла, собирал дань с Индии. Племена белых гуннов (торков-кочевников) отличались большой воинственностью, их предводитель, отправляясь на войну, вел с собой около двух тысяч боевых слонов и много конницы. И местные владельцы Индии имели по 500—

⁷ Haussig, A History of Byzantine Civilization, стр. 102.

⁸ R. E. M. Wheeler, Arikamedu; An Indo-Roman Trading Station on the East Coast of India, «Ancient India», 2, 1946.

Разнообразные и занимательные географические описания Космы пользовались большой популярностью в Византии и долгое время служили там любимым чтением различных кругов населения.

Диковинная картина мира, изображенная Космой, отнюдь не была его открытием. Создавая ее, писатель опирался на весьма древнюю традицию: изображение мира в виде четырехугольного ковчега восходит к древнееврейской традиции и к учению alexandрийских theologов Климента и Оригена. Высказывались предположения, что за этой традицией стоят еще более древние учения: либо символические представления древнего Востока, придававшие мистическое значение числу 4, кубу и т. д.¹¹, либо аккадские, ассирийско-вавилонские космографические теории о четырехъярусном строении вселенной¹². В «Христианской топографии» Космы явно смешаны символические представления древних о строении вселенной с реальными наблюдениями автора над окружающим его миром. Отсюда и столь разительные противоречия между его фантастическими картинами мира и правдивыми географическими наблюдениями, полученными им во время его заморских путешествий.

Столь же несамостоятелен Косьма и в своих теологических построениях. В философско-богословских взглядах Косьмы сказалось влияние богослова IV—V вв. Феодора Мопсуэстийского, а также нисибийской несторианской школы богословия. Центральное в лице одного из ученых этой школы — перса Мар-Абы (Патрикия)¹³. Центральное место в мировоззрении Косьмы занимает учение о двух состояниях, *καταστάσεις*. Бог стремится сообщить свою мудрость и свое благо сотворенным им существам, но различие между творцом и творением столь велико, что непосредственное распространение божественной мудрости на творение невозможно. Поэтому бог создает два состоя-

¹⁰ H. Wessel, *A History of Byzantine Civilization*, стр. 90.

¹⁰ Haussig, A History of Byzantine Civilization
¹¹ H. Haussig, *Die Kultur von Byzanz*. Сtp. 183.

11 Wessel, Die Kultur von Byzanz, стр. 185.
12 H. H. Wessel, A History of Byzantine Civilization, стр. 90.

¹³ Н. В. Пигулевская, Мар Абба I, «Советское востоковедение», т. 5, 1949,

ния: одно — тленное и конечное, полное противоречий и подверженное испытаниям, другое — вечное и совершенное.

Исходя из этого учения, Косьма приходит к дуалистическому пониманию всего сущего. Вселенная разделяется на два мира — земной и небесный, история человечества на два периода: один, начинающийся с Адама, другой — с Христа. Это так бы символизирует проявление двух состояний во времени: с Христа начинается второе состояние, предсказанное в пророчествах. Два состояния проявляются и в пространстве, что находит выражение в строении вселенной. Человек должен, стремясь к совершенству, провести первое состояние в низшем пространстве, и если он окажется достойным, то может подняться и выше. Победа Христа над смертью создает для человечества гарантию достижения вечного блаженства ¹⁴.

В своих христологических построениях Косьма исходит из несторианской теологии. В христологических спорах, развернувшихся в его время, особенно в восточных провинциях Византии, Косьма выступает как приверженец диофиситов-несториан и ярый противник большинства египетского монашества, защищавшего идеи монофиситства.

Вызывает, однако, недоумение, как мог Косьма, монах Синайского монастыря, живший в самой гуще египетского монашества, настроенного весьма враждебно к несторианству, написать книгу в несторианском духе. Подобное противоречие породило даже гипотезу о том, что вся 5 книга и часть 10 книги «Христианской топографии» написаны не самим Косьмой, а представляют собой вставку, принадлежащую перу другого автора. Этим автором, по всей вероятности, мог стать или сам Мар-Аба (Патриккий), перенесший из Персии в Александрию философское учение Феодора Мопсуэстийского, или его ученик Фома Эдесский ¹⁵. Гипотеза эта заслуживает внимания, если учесть, что в остальных частях сочинения Косьмы несторианские идеи явно приглушены ¹⁶.

Влияние несторианской теологии на Косьму проявилось и в полемической заостренности его сочинения. В своих космологических построениях Косьма полемизирует не только с представителями античной языческой науки, но главным образом с ее христианскими последователями в Александрии. Он упрекает их за то, что они, познав Христа, чванились своими научными знаниями, приверженностью к греческой науке и философии. Хотя Косьма не называет имен своих противников, но, очевидно, первое место среди них занимал александрийский философ, современник Косьмы — Иоанн Филопон ¹⁷. Ведь именно Иоанн Филопон возглавлял в Александрии то течение, которое выражало идеи союза монофиситской христианской теологии с наследием античной науки. Именно Филопон отстаивал античные взгляды на вселенную, восходящие еще к Аристотелю. Острая, хотя и анонимная полемика между Косьмой и Филопоном отражала во многом философско-богословскую борьбу в Александрии VI в. Однако и в своей борьбе против античной науки, хотя и принимавшей столь острые формы, Косьма все же не всегда был достаточно последователен. Он неоднократно в «Христианской топографии» использовал идеи древних греков, его источником были не только высказывания философов понтийской школы, но отдельные положения своей книги он заимствовал у Аристотеля, а также из платоновской и стоической философии ¹⁸.

Космографические представления Косьмы, ставящие своей целью на основании изложенной им системы мироздания доказать истинность священного писания и хри-

¹⁴ W o l s k a, La Topographie..., стр. 37.

¹⁵ Там же, стр. 105 сл.

¹⁶ Влияние несторианства на Косьму признает и Н. В. Пигулевская. Но она не допускает мысли о наличии в его труде вставок, принадлежащих другим авторам (П и г у л е в с к а я, Византия на путях в Индию..., стр. 134 сл.).

¹⁷ В. Вольская провела скрупулезное сравнение высказываний обеих борющихся сторон, изучила их аргументы и контраргументы и таким образом выяснила общую направленность труда Косьмы и причины непримиримого характера его полемики с Филопоном (W o l s k a, La Topographie..., стр. 157 сл.).

¹⁸ W o l s k a, La Topographie..., стр. 161 сл.; W e s s e l, Die Kultur von Byzanz, стр. 185; M. V. A n a s t o s, Aristotle and Cosmas Indicopleustes on the World. A Note on Theology and Science in the Sixth Century, 'Ελληνικά, р. 4, 1953, стр. 135—150.

стианского вероучения, бесспорно были шагом назад по сравнению с системой Птолемея и принесли вред развитию науки о вселенной. «Христианская топография» Космы во многом затормозила прогресс науки о мироздании в средние века. При этом надо учесть, что сочинение Космы имело широкое распространение не только в Византии, но и на Западе и в древней Руси. Интересные рассказы Космы о различных странах мира делали его труд занимательным чтением. Популярности «Христианской топографии» во многом способствовали необычайно интересные, порой высокохудожественные иллюстрации — миниатюры и рисунки, украшавшие ее. Особенно знамениты миниатюры ватиканской рукописи Космы IX в.¹⁹

До сих пор остается спорным, какие рисунки находились в оригинале «Христианской топографии» и рисовал ли их сам Косма Индикоплевст или какой-либо другой художник. В тексте своего сочинения Косма не только часто упоминает, но и объясняет рисунки. Кажется вероятным, что изображение носорога, статуй во дворце царя Аксума и некоторые другие рисунки принадлежали самому Косме. Рисунки, связанные с космографией, возможно, заимствованы у Мар-Абы (Патрикия). Во всяком случае, в рисунках Космы (или другого художника) чувствуется влияние лучших образцов художественной школы Александрии — мозаик, фресок, статуй. Миниатюры и рисунки «Христианской топографии» Космы занимают видное место в византийском искусстве VI в.²⁰

По своему стилю и художественным особенностям «Христианская топография» Космы производит двойственное впечатление. Она как бы распадается на неравноценные части. В описании дальних путешествий и опасных приключений автор — талантливый рассказчик, язык его повествования яркий, сочный, народный; в философско-богословских рассуждениях, напротив, писатель теряет свой блеск, язык его становится сухим, туманным и порою даже малопонятным²¹. В сочинении Космы отсутствует ясный план, композиция его расплывчата, встречаются утомительные повторения. Polemika против языческой науки, цитаты из Библии, теологические рассуждения, астрономические теории перемешаны с историческими сюжетами, географическими наблюдениями, увлекательными легендами. И порою трудно проследить внутреннюю связь между отдельными частями этого труда.

Произведение Космы Индикоплевста носит печать двойственности и противоречивости мировоззрения его автора. Эта противоречивость проявляется прежде всего в соединении, казалось бы, несоединимых элементов: точных, естественнонаучных и географических данных, почерпнутых из личного опыта писателя, и наивно-спиритуалистических, порою даже фантастических, оторванных от реальной действительности библейских представлений о природе вещей и строении вселенной. В «Христианской топографии» Космы сочетаются трезвый прагматизм расчетливого купца и любознательного путешественника со слепым провиденциализмом и преклонением перед авторитетом священного писания монаха-христианина, безоговорочно принявшего библейскую концепцию мироздания. Стихийный эмпиризм в описании неведомых стран и народов как бы окутан спиритуалистической завесой библейских сказаний, а жизненно-правдивые наблюдения переплетаются с книжными, иногда весьма туманными философскими рассуждениями в несторианском духе.

Второе противоречие, которое бросается в глаза при изучении «Христианской топографии» Космы Индикоплова, — это сохранение некоторых элементов античных знаний и античных философских идей, в частности, идей Аристотеля, в труде, казалось бы, предназначенном для опровержения всей языческой и потому ненавистной бла-

¹⁹ Е. К. Р е д и н, Христианская топография Космы Индикоплова по греческим и русским спискам, т. I, М., 1917; о н ж е, Портрет Космы Индикоплова, ВВ, 12 (1906), стр. 112—131.

²⁰ О миниатюрах «Христианской топографии» Космы Индикоплевста см. H a u s s i g, A History of Byzantine Civilization, стр. 398 сл., 417; W e s s e l, Die Kultur von Byzanz, стр. 330 сл.

²¹ J. W i t t m a n n, Sprachliche Untersuchungen zu Kosmas Indikopleustes, München, 1913.

гочестивому автору античной философии и космогонии. Выступая против языческой эллинской науки, Косьма невольно сам обращается к этому источнику знаний и черпает оттуда аргументы в пользу своих теоретических построений. Впрочем, в этом отношении он не одинок — почти все византийские писатели, современники Косьмы, в той или иной степени в своих произведениях опирались на античную культуру²². Косьму скорее отличает от них ярко выраженный христианский прозелитизм, искреннее благочестие и непримиримость к язычникам.

«Христианская топография», несмотря на заимствования из эллинской науки, отнюдь не была детищем античного мирозерцания, а скорее знаменем рождения новой средневековой христианской литературы, хотя и несвободной от родимых пятен античности²³. Кроме того, «Христианская топография» была создана в Египте и во многом отражала влияния идей, порожденных персидско-несторианской культурной средой, привнесенных в империю с Востока. Этот восточный колорит отличает ее от многих других памятников византийской литературы того времени. Она во многом отражает столкновение двух борющихся на египетской почве богословско-философских течений: приверженцев монофиситской богословской доктрины, признающих пользу эллинской науки, и сторонников несторианского учения, враждебно относящихся к античному наследию. Противоречия «Христианской топографии» Косьмы Индикоплевста, естественно, были порождены той противоречивой переходной эпохой, в которую жил автор — эпохой гибели античной цивилизации и становления новой культуры средневекового общества.

З. В. Удальцова

A PAGE FROM BYZANTINE HISTORY

(Cosmas Indicopleustes and his *Topographia Christiana*)

Z. V. Udaltsova

The «Christian Topography» of Cosmas Indicopleustes was written in the first half of the 6th century by a Greek merchant who had visited many lands, from Egypt, Sinai, East Africa to Ceylon, and possibly India. The *Topographia* is a valuable source on the history of the early mediaeval states in the eastern Mediterranean and the northern shores of the Indian Ocean. The author examines the world outlook of Cosmas, his notions about the shape of the world and his participation in ideological controversies in the complex era of transition from antiquity to the Middle Ages. A special section of the article is devoted to the history of the transmission of the *Topographia*.

²² З. В. Удальцова, Идеино-политическая борьба в ранней Византии, М., 1974, стр. 319—328; K. Oehler, Antike Philosophie und byzantinisches Mittelalter, Munich, 1969.

²³ A. Guillou, La Civilisation Byzantine, P., 1974, стр. 317, 344, 354; H. Hunger, Reich der Neuen Mitte: der christliche Geist der byzantinischen Kultur, Graz, 1965.

Ф. Ф. СОКОЛОВ И НАЧАЛО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В РУССКОМ АНТИКОВЕДЕНИИ

Изучение античной истории окончательно складывается в России в преемственную научную дисциплину в первой половине XIX в. Завершение этого процесса было связано с формированием петербургской исторической школы в лице М. С. Куторги и его довольно многочисленных учеников. Сильными сторонами этого научного направления были убеждение в необходимости критического изучения истории и стремление познать общий ход ее развития, дать логически убедительное истолкование общим историческим процессам. При этом широко использовались прогрессивные идеи западноевропейской общественной мысли — французской романтической историографии (в особенности Ф. Гизо) и, в более общем плане, гегелевской философии¹.

Стремление к историческому синтезу составляло и сильную и слабую сторону школы М. С. Куторги. В ту пору историческая наука еще не располагала средствами для проведения широких обобщений, еще только была начата работа по основательно-му, критическому изучению исторических источников. Предстояло подвергнуть строгой проверке массу непроверенных сведений, удалить ложное и выявить истинное и таким образом расчистить поле и подготовить материал для возведения больших исторических зданий. В этих условиях стремление к историческому синтезу стало восприниматься как склонность к постановке слишком широких проблем, до которых наука еще не доросла. У молодого поколения ученых, формировавшихся под влиянием критических идей того же Куторги, складывалось убеждение в необходимости уточнения самих исторических фактов до того, как эти факты будут положены в основание какой-либо теории.

Античная история, основывающаяся в установлении своих фактов главным образом на данных античных текстов, многое могла бы получить в этом плане от той родственной дисциплины, которая этими текстами только и занимается, — от филологии. Однако сближению истории с классической филологией мешала традиционная ориентация этой последней на изучение эстетически значимых текстов, на их формальное лингвистическое, грамматическое или литературоведческое истолкование. Достаточно сослаться, в качестве примера, на знаменитую полемику Готфрида Германа, столпа формального грамматического направления в немецкой классической филологии, с другим выдающимся филологом Августом Бёком, который выступал против узости грамматического направления и ратовал за глубокое изучение жизни древних народов во всех ее проявлениях².

В России, в дополнение к этому, действовали и другие факторы, так сказать внешнего, ведомственного характера, которые тоже затрудняли сближение истории с классической филологией. Изучение античной истории велось преимущественно университетскими профессорами — М. С. Куторгой и его школой в Петербурге, Д. Л. Крюковским, П. М. Леонтьевым и учениками Т. Н. Грановского в Москве, М. М. Луниным в Харькове, между тем как средоточием филологических штудий была академическая кафедра греческих и римских древностей, которая вплоть до конца века замещалась

¹ О М. С. Куторге и его школе подробнее см. В. П. Бузескул, *Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века*, ч. I, Л., 1929, стр. 99 слл.; С. Н. В а л к, *Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет*, «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция истор. наук», Л., 1948, стр. 4, 6 слл.; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 474—492 (статья М. А. Алпатов); Э. Д. Ф р о л о в, *Русская историография античности (до середины XIX в.)*, Л., 1967, стр. 119 сл., 129—136; А. Д. К о н с т а н т и н о в а, *Общественно-политические и историко-философские взгляды М. С. Куторги*, «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. 3, Изд-во Казанск. ун-та, 1968, стр. 113—144.

² См. В. П. Бузескул, *Введение в историю Греции*, изд. 3-е, Пг., 1915, стр. 252 сл.